

Надежда Нелидова

Большая стирка

Ах вернисаж, ах вернисаж!

В каждом магазине она непременно, со сдержанным достоинством уточнит:

— О, я живу далеко... За океаном. Выбираю с собой подарки сыну, невестке, внукам, друзьям... Предложите мне что-нибудь... Что-нибудь достойное. На складе посмотрите. Ну, вы понимаете... Чтобы не тащить за океан ерунду. О, там этих тряпок в тысячу раз больше, и дешевле. Но ведь нельзя без подарка.

Иногда она спохватывается и подпускает акцент, хотя уехала всего два года назад. Говорит: не «шопинг», а «шапинг». Не «колледж», а «каллэдж». Иногда будто не может подобрать русское слово и щёлкает пальцами, ища синоним: «Как это... забыла». Иногда подкрепляет речь очаровательно-растерянными грациозными жестами, как иностранка.

— За океаном — это где? — вежливо интересуются продавщицы.

— В Новой Зеландии, — роняет она и, вскинув брови, строго всматривается в собеседника: каков произведён эффект.

На выходе из магазина вполголоса мне деликатно сообщает: «У нас вон та кассирша лишилась бы работы в один момент. Лицо угрюмое, на вопросы буркает под нос».

— Здравствуйте! — спешат к нам девочки в каждом отделе ЦУМа. — Вам помочь? Что-то подсказать?

Почти все выпускницы местных вузов и училищ. Работы по специальности нет, рады хоть этой, пустой и копеечной. Каждой нужно продать в месяц товара на энную сумму — иначе уволят. А какие там продажи: город бедный, заводы закрылись, школы и садики сокращаются.

Но девочки стараются, помнят наказ хозяйки: «Не стойте истуканами. Работайте, работайте с клиентом». Они и работают, радостно улыбаются с порога: «Здравствуйте!»

Моя новозеландка недоумённо, близоруко, великосветски щурится:

— Здрасьте-здрасьте. Что-то я вас не припомню. Мы раньше виделись?

— Мы незнакомы, но наш магазин рад каждому покупателю, — щебечет юная продавщица. Гостья разочарованно хмыкает: надо же, и в этот медвежий угол приходит цивилизованный сервис.

Впрочем, тотчас находит повод для

раздражения. Брезгливо копаясь в корзине с уценённой одеждой, принижает голос ровно настолько, чтобы продавщицы слышали:

— Господи, ну и цены! А скидки?! Вот *у нас* это скидки: сразу в три раза. А это не скидки, а насмешка: на сто, на двести рублей. Убожество какое!

Небрежно перебросав вешалки с платьями на низеньком контейнере, осведомляется:

— Это распродажа? Сэлл оут?

— Почему распродажа? Одежда только из Польши. Обратите внимание на качество, — не выдерживает хозяйка, которую вызвали обслужить важную гостью. Гостья хлопает ресницами:

— Вы что, сразу и обиделись? Просто *там*, откуда я приехала, на этом месте в углу при входе обычно выставляют распродажу... Уж спросить нельзя, — впрочем, она, кажется, довольна, что хоть кого-то вывела из себя, поддела. Шепчет: — Ишь. Оби-иделась она. Попробовала бы *там* обидеться. Быстро бы прогорела со своим бизнесом.

За тот месяц, что здесь живёт, она построила на раз-два всех продавщиц в местном супермаркете. Если к кассе перед нами стоит три человека, приходит в неистовство:

— Безобразие! Где эти бездельницы? Ваша задача обслуживать покупателей. Покупатель для

продавца, а не наоборот. Где ваш мэнэджэр? Дайте мне немедленно телефон управляющего!

Теперь, едва она входит в магазин, даже старшие по залу бросают выкладки товара, оформление ценников и накладных, и в панике несутся открывать персональную кассу для грозной ВИП-покупательницы...

Не знаю, может с ними так и надо? Но мне жаль девочек. Им самим не сладко. Кроме того, я бывала в заграничных магазинах. Поверьте, в них и народу на пробивание покупок стоит порой больше трёх, и все спокойны и терпеливы. Не возмущаются, если кассир с непонятливой старушкой возится по пять минут. И в кафе официантки далеко не всегда светятся и лучатся, бывают усталыми и раздражёнными: живые люди...

Кстати, к соседке недавно приезжала невестка-американка. Всегда рот до ушей, всему умилялась и всему страшно изумлялась. Копала картошку и каждый раз приходила в бурный восторг, вытаскивая куст, увешанный клубнями: о том оповещал визг на весь огород. Она их до того только мытыми, в сеточке в супермаркете видела.

И даже горюшко наше — ямы на дорогах — воспринимала как необходимое экзотическое чудо, с вытаращенными глазами, взвизгами и хохотом: «О, мой бог!»

Я спрашиваю новозеландку:

— А ты не можешь без комментариев?

— Не могу! — вспыхивает она. — Если бы ты видела, как *там у нас* ! Небо и земля!

Хочется по-детски огрызнуться:

— Ну и сидела бы *там!*

Но она не сидит, а рвётся сюда. Потому что здесь берёзки, низенькие тучки, серенькое, как несвежая простынка, небо, милая пасмурная погодка. Здесь всюду русская речь, в которую погружаешься и расслабляешься, как в тёплой ванне.

И здесь живут давние и верные почитатели её художественного таланта. Она пишет картины: те самые берёзки, тучки, закаты. Бревенчатые избы, заборы, увенчанные стеклянными банками. Завалинки и калитки, старух на завалинках.

За океаном они никому не интересны. Ну, придут на маленький домашний вернисаж русская, украинская и еврейская старушки-иммигрантки.

Дежурно похвалят картины, соскучатся. Едва дождутся кофе и яблочного штруделя, и быстро с творческой темы съедут на невероятные, просто невероятные успехи собственных детей и внуков. И она тоже будет, тайно зевая, поддакивать и поглядывать на часики. Разве это вернисаж?

Другое дело здесь, в родном городе. В душе она не реализовавшаяся артистка. Каждый свой приезд обставляет шумно, масштабно, грандиозно, из ряда вон, как Событие Года.

На уши поставлена вся творческая интеллигенция города. Оббеганы и обзвонены газеты и телевидение, все культурные учреждения. Задействованы лучшие местные актёры, чтецы, певцы и музыканты. Выбита бесплатная аренда самого большого зала в ДК. Пущены в ход обаяние и лесть, милые сувениры, намёки на фуршет с водочкой и красной рыбкой.

Естественно, она не может перевезти сюда тяжёлые картины для экспозиции. Они сфотографированы и умещаются на маленькой флэшке. Они будут сменять друг друга на большом экране на сцене, под музыкальное и речевое сопровождение. Ведущая по бумажке станет вызывать в строгой очерёдности зрителей: возносить, славословить, восторгаться, осыпать комплиментами.

Художница вылавливает по всему городу знакомых, полужнакомых и едва знакомых. Задушевно берёт маленькой мягкой, но цепкой лапкой за рукав, снизу вверх заглядывает в лицо. Тревожно напоминает:

— Общие слова мне не нужны. Конкретно по каждой картине, плиз. Вот эта берёзка, которая

символизирует то-то и то-то... Эта калитка, которая выражает... Кувшин на заборе, олицетворяющий... Андэстэнд? Я тут написала, пожалуйста, выучите наизусть. Я не люблю, когда по бумажке...

Добившись обещаний детально «похвалить» картины, отворачивается и закатывает глаза. Ах, с каким неблагоприятным, сырым, грубым материалом приходится работать ради высокого искусства. Сырой и грубый материал — это публика. Но ей, как солнце цветку, каждый час, каждую минуту необходимо подтверждение её таланта.

— Ах, ну право! — кокетничает она. — Так и уж гениально? Я умоляю: мне не надо лестии, говорите только правду. Я художник, я привыкла к отрицанию, непониманию... К мелким подкалываниям, творческой зависти... Сорри.

Бывает, критик поддастся на провокацию и действительно посмеет робко усомниться в какой-нибудь картине, выразиться о ней не в самых высокопарных, восклицательных выражениях. Её лицо мгновенно каменеет, мертвеет, чернеет даже. С этой минуты для неё нет врага хуже, чем несчастный критик. Который мог бы держать своё мнение при себе, глубоко засунув его в одно место.

У меня есть кузина, которая проводит юбилей следующим образом. Поднимается на подиум в зале ресторана, и тамада приглашает всех знакомых и

родственников с подарками на сцену. Хлопает в ладоши: «Все, все сюда, непременно все! С подарочками! Никто не забывает подарочков! Никого за столиками не остаётся!»

Каждый — кто бойко, кто скомкано — перевозносит виновницу торжества до небес, награждает разнообразными восторженными эпитетами. С выражением зачитывает из глянцевых открыток длинные поздравительные шедевры:

***В юбилей тебе желаю
То, о чём сама мечтаю:
Не болеть и не хандрить,
По больницам не ходить.***

***А ходить по ресторанам,
По Парижам и Багамам.
Чтоб любимый баловал,
Чаще денежку давал.***

Пунцовая от удовольствия юбилярша сидит на стуле. К ней тянется, топчется, переминается очередь из поздравителей. Прижимают и тискают подарки, коробки, конвертики с деньгами седые, старше именинницы, дядюшки и тётушки, дедушки и бабушки. Церемония растягивается на час и больше. Тамада зорко следит, чтобы ни один десерт не улизнул со сцены.

Похоже на дрессированных собачек. По команде: «Ап!» — они перевёртываются через спинку, на задних лапках исполняют польку-бабочку, прыгают через кольцо. Исполнив номер, получают свой кусочек сахара, в виде поощрительной, снисходительной улыбки и поцелуя влажными, липкими морковными губами. И с облегчением маленьким стадом убегают за кулисы.

Примерно так и здесь. Какой грандиозный успех! Зрителей полный зал, пришлось ставить стулья в дверях и проходе.

Перед поездкой она читала в интернете газеты, смотрела телевизор и сильно побаивалась. А ну-ка, на волне патриотизма скажут: «Уехала — ну и на здоровье. Чего здесь позабыла?». Но оказалось, здесь по-прежнему все такие родные, милые, простые. Так трогательно, наивно и искренно расспрашивают, как там за океаном...

Я понимаю милую художницу. Ей, как воздух, необходимы эти приезды, встречи, восторги. Сильно преувеличенные, как всегда бывает на презентациях. (Великолепно! Потрясающе! Гениально!). Каждый оратор разливается соловьём, старается превзойти предыдущего в похвалах — хотя, кажется, превосходить уже некуда, и истоцились, и кончились восклицательные

эпитеты, и пересохли языки, и выступления напоминают шипение и скрип заезженной пластинки.

Но она не замечает фальши. Она подпитывается, подзаряжается, поворачивается тем и этим бочком, как кошечка на солнце. Жмурится и наслаждается всеобщим благожелательным вниманием. Она воображает себя упавшей звездой: вспыхнувшей, мелькнувшей, озарившей серые будни соотечественников.

Вращается, блистает, купается в лучах славы и любви. Но схлынула эйфория, затихли речи, погасли люстры, задёрнут экран. Съедены дешёвые торты и выпито сторублёвое шампанское. Зрительницы, в основном её ровесницы, ещё здесь, прощаясь, целуют и обнимают виновницу торжества. А мыслями уже в насущных заботах предстоящего дня. Все возвращаются домой, и только она уезжает на ПМЖ.

Дочь и зять молодые, легко вписались в тамошнюю жизнь. Дочка выразилась предельно ясно: «Родина там, где тепло заднице». Внуки, рождённые за океаном: светлоглазые, с копнами выгоревших волос — они уже готовые новозеландцы.

И только она, уехав, звонит и звонит, плачет и плачет в телефон. Выплакавшись, крепко высморкавшись, каждый раз берёт с меня

страшную, страшную, страшную клятву (иначе меня покарает Бог), что я никому в нашем городе не расскажу о её одиночестве и тоске. Там, за океаном.

Звезда не имеет права тосковать. Тоска постыдна и унижительна — это признак того, что человек не состоялся, не сделал карьеры, что он не успешен, что слабак. В конце концов, посети личного психоаналитика, прими антидепрессант — и не разводи сырость, не порть окружающим настроения.

— Пока, — говорю я. — Давай не хандри. Твори, пиши новые картины.

— Этим и живу. Только умоляю, помнишь наш уговор? *Нашим* об этом никому. Всем говори, что у меня всё замечательно, всё прекрасно, всё о кей...

Праздник без тамады

— Праздник без тамады? Ну, не знаю...

Я представила, как на другом конце провода родственница поджала губы. Типа, ну что с неё взять, всё не как у людей.

— Давай, — предложила, — я поговорю с Ниной Ефановной из бухгалтерии. Компанейская баба, занимается проведением вечеров по совместительству. И берёт недорого.

Вот, вот. Жизнерадостная шумная тётенька

будет весь вечер терроризировать гостей: ни поговорить, ни расслабиться. Разбитый микрофон будет издавать визжащие звуки, как кастрюлей по плите, после неделю в ушах звенит. При этом, не дай Бог, окажется, что ведущая играет на музыкальном инструменте и считает себя обладательницей чарующего голоса. Пиши пропало.

А эти выуженные из интернета пошленькие игры, фанты, конкурсы, розыгрыши, сценки... Каждому гостю раздаются листочки с аббревиатурами: ВВС, СССР, МВФ и пр. Задача: подобрать лестные эпитеты для именинницы. ВВС — великолепная, весёлая, сияющая. СССР — солнцеподобная(!), сладкая, сапфир души моей...

Не уложились в одно слово? Налить виновникам штрафную! И снова: МВФ- милая, великолепная... Как, «великолепная» было уже?! Штрафную за повтор!

Потом, когда присутствующие проштрафятся, разогреются, порозовеют и ослабят галстуки и молнии на брюках юбках), можно перейти к более рискованным пунктам.

Вывести даму на танцевальный пяточок, заколоть со всех сторон прищепками (в интимных местах приветствуется). Мужчины с завязанными глазами обирают прищепки. Хохот, писк, дама бьёт по шаловливым ручонкам кавалеров... Прелесть

как весело, особенно мужу дамы. Или объявить танец: чтобы пары не уронили зажатые между телами теннисные мячики. Кто уронит — штрафную!

Или вот ещё: присутствующие делятся на группы по половому признаку, садятся на стулья паровозиком. Тамада задаёт игривые вопросы. Дамы, отвечая, давят на «кнопки» — носы кавалеров. Те соответственно издают звуки: «дзинь-дзинь», или «ку-ку», или «пук-пук»... Главное — не повторяться. Все покатываются от смеха, вечер пролетает как одна минута...

Мы пойдём другим путём. Моим тамадой будет музыка. Сын-студент, морщась от омерзения (признаёт только рок), записал по моему заказу аж три диска, под завязку. Нейтрал, танцевальный винегрет, застольные песни.

Итак. Гостей встречает приятная ненавязчивая, приглушённая музыка, не более чем фон для общения. Под неё можно есть, пить, переговариваться, произносить тосты и вручать подарки. Танцевальные мелодии я хоть и назвала винегретом, на самом деле тщательно их отсортировала. Эти будут звучать уместнее в начале, эти — в конце. Быстрые, «прыгательные» чередуются с медленными, плавными: чтобы танцующие после африканских прыжков могли придти в себя, отдышаться, обмахнуться, остыть.

Подобрала самый разный ассортимент, учитывая вкусы и возраст приглашённых. От дореволюционных вальсов до ностальгических мелодий конца прошлого века. От танго тридцатых до современных отечественных и зарубежных эстрадных хитов. Для гостей в возрасте — цыганочка, Кадышева, Верка Сердючка.

С застольными песнями тоже всё понятно. Когда гости дойдут до кондиции, расчувствуются, и душа потребует песен — кто-то застеняется петь, у кого-то медведь на ухе потоптался. А любимым исполнителям с удовольствием подпоют все — караоке не надо.

— И ты за счёт музыки думаешь выезжать семь часов? С гостями, многие из которых в первый раз видят друг друга? Ну-ну, — глубокомысленно напутствовала родственница. В смысле, не желаешь слушать умных людей, пеняй на себя.

Я положила трубку и снова взялась за листок с расчётами. Вообще-то все большие и малые даты мы отмечаем дома: места хватает. Ужин обходится в пять раз дешевле, в десять раз — вкуснее, и в пятнадцать — здоровее, чем в общепите.

Но именинницей себя точно не почувствуешь. Сядешь в проходе с краешка стола и, как бобик, будешь вскакивать каждую минуту: принесли не ту тарелку, включили не ту конфорку, в суматохе

сунули торт в микроволновку. Из пакета с замаринованным мясом торчит хвост кота... Не то, что вы подумали: он туда забрался, жрёт мясо и урчит от жадности.

А ночью в раковине гора посуды, а утром грандиозная уборка... Благодарю покорно, пускай будет общепит. Итак, следующий пункт — заказ блюд. Как это бывает обычно: на столах выставляют по пять видов эффектных недорогих салатов, бутерброды, канапе, нарезки, закуски...

Пока гости осматриваются, здороваются, рассаживаются, пока то да сё — всё это великолепие машинально пробуется, отщипывается, отламывается и исчезает незаметно само собой.

Когда подходит очередь горячих блюд, гости уже хлопают осовелыми сытенькими глазёнками, незаметно слегка распускают «молнии» на юбках и брюках и отодвигаются от столов, чтобы удобнее уложить на коленях набитые пузики. Какие там танцы.

Я поломаю стереотипы. Я — против гиподинамии, я — за небольшие европейские порции и здоровое питание. Стол будет ломиться от овощей и фруктов. Рыба — непременно, мясо — диетическое. Никакого холестерина в виде икры, копчёностей и картошки фри со свиной под майонезом. Стол выйдет значительно дороже, но

здоровье того стоит. Потом сами спасибо скажут.

И вот сижу с девочкой-менеджером ресторана и растерянно листаю меню. Ресторан не санаторий, сказали мне, не специализируется на диетпитании. Порции стандартные, никто из-за меня раскладку пересматривать не будет. И вообще, раз я арендую банкетный зал, обязана заказать на каждого гостя блюд на сумму не меньше тысячи рублей. Из рыбного только филе лосося (скользящий взгляд по моему плащу и сапогам)... Дорого, потянете ли?

В результате, укладываясь в тысячерублёвый лимит, я заказываю: те самые пять видов салатов, нарезку из ядовито-розовых от нитрита ветчины, балыка и салями. Сдобные тарталетки в форме сердечек с красной икрой и громадным количеством пышно взбитого сливочного (сплошной холестерин!) масла. Сытный жульен с грибами и жирной курицей, свиные эскалопы, величиной с подошву, под майонезом... Что отстояла из здорового питания, так это свежую капусту с клюквой и овощной гарнир, оказавшийся впоследствии горсткой консервированных горошка, кукурузы и зелёной фасоли.

Ну ничего, зато у меня есть классные диски!

А за неделю до мероприятия муж попадает в больницу. Отменять праздник? Поздно: гости начинают съезжаться, ресторан потребует неустойку... Из Ижевска звонят с работы:

— Из-за тебя скомкали личные субботние планы. Значит, завтра к шести?

Язык не поворачивается сказать: «Вечера не будет». — «Конечно, жду».

«Шеф, всё пропало, всё пропало!!»

Помните рвущего на себе волосы и заламывающего руки Миронова? Нет, я не закатила истерики, когда ресторанный проигрыватель при запуске моих дисков снова и снова равнодушно высвечивал: «Ноу плэй».

Я только и сказала: «Провален вечер», — таким тоном, что девочка-менеджер тихо исчезла. Буквально испарилась, растаяла, вот только была здесь — и нет её.

Это она неделю назад горячо уверяла меня, что на их дивидишнике идут все RV-диски, сколько вечеров ни проводили — ни одного нарекания. Это потом мы обнаружим полтумбочки ресторанных дисков с пометками «не пошёл» и «не играет».

Все расселись. Произнесены дежурные приветствия, подняты первые бокалы. Гости деликатно ковыряются вилочками в креманках. Перезнакомила их друг с другом. Встали, «испекли» вокруг меня каравай, кого хочешь выбирай — и снова скромненько за столы.

Девочки из редакции с округлившимися глазами рассказали, как добирались: конец весны

называется, метель стоит белой стеной. Встречных машин даже с зажжёнными фарами не видно. Двести километров дороги-серпантина, страху натерпелись... Гости вежливо поахали.

С тоской не досчитываюсь за столом двух ближайших подруг, на которых возлагала некоторые надежды: ну там провернуть пару игр, конкурсов, будь они неладны. Два прихлопа — три притопа, бег в мешках, прищепки, носики-кнопки... Ау, тамада, где ты?

В эту отчаянную минуту в дверях показывается... мой родненький домашний компьютер в полной комплектации: включая монитор, колонки и добела стёртую моей мозолистой рукой клавиатуру, даже «мышку» с ковриком. Всё это, отдуваясь, несёт редакционный водитель. Потом появляется муж Серёжа в тренировочном костюме, которому (мужу) и принадлежала идея с компьютером. Следом — возбуждённые, смеющиеся подруги — это они отпросили Серёжу у дежурного врача на три часика.

Уже через минуту первые пары плывут под «Изадору» и «Манчестер и Ливерпуль» в исполнении женственной Мари Лафорет. Потом гости зажигают под Тома Джонса и Любу Успенскую. Потом кавалеры смело вертят дам в

«Кумпарсите» и «Памяти цветов»... Вечер покатился, как по смазанным рельсам. То и дело подходит кто-нибудь из гостей и заговорщицки просит скинуть музычку и на его диск. Триумф, триумф!

Ну а я пока могу с чистой совестью передохнуть и подумать о чём-нибудь приятном. Например, о том, что у издания, куда я пишу, и у меня юбилей в один год!

Газета появилась в моей жизни три с половиной года назад во времена, которые бывали и получше: я разводилась с мужем, с которым прожила двадцать лет. Сын находился в самом подходящем для родительских разборок возрасте — пятнадцать лет. В знак протеста выкидывал такое — не приведи бог. Обвешался килограммами железа, отрастил лохмы, вырядился в чёрный балахон и берцы. Сочинял на синтезаторе музыку, под которую охотно солировала под окном наша овчарка Керри, а также окрестные псы. Сегодня он у меня умница и милый, очень серьёзный и рассудительный молодой человек.

Первой связующей ниточкой с газетой была редактор Виктория. До сих пор в недрах моего захламлённого почтового ящика лежит её первое сообщение, датированное, кажется, ноябрём 2006 года: что газета даёт моим рассказам зелёный свет.

Ура, ура! Помню, первые месяцы я некорректно забрасывала Викторию требованиями заблаговременно ставить меня в известность, в каком номере соизволит выйти Его Величество мой рассказ. И она... аккуратно отвечала.

Не знаю более демократичного главного редактора Вадима Ш. Он никогда не посягнет на доброе, ободряющее слово. Он запросто общается с авторами, при этом сверхделикатен: «Художника обидеть может каждый». Если возникает недоразумение, лично терпеливо и обстоятельно на полстраницы объясняет, почему текст отложен в «долгий ящик». Когда я рассказываю о нём знакомым журналистам, они не верят: «В Москве таких не бывает».

Заместитель главного редактора Валентина Т... Героине рубрики «Нежного возраста», маме больного малыша из уральского города, понадобился «розовый» талон на лечение в московской детской клинике. И Валентина посылала письма, уточняла, что за талоны такие, и где находится больница, и когда их выдают, и выдают ли под честное слово, потому что за талоном придётся пойти ей самой...

Да и вообще не встречала более народной и отзывчивой газеты. Эта «последняя из могикан» с современным дизайном, содержанием и стилем, при этом сохранившая лучшие традиции советской

периодики. На своих страницах, как за гостеприимным круглым столом под уютным тёплым абажуром, она собирает читателей разорванной, раздербаненной страны: из России, Белоруссии, Украины, Киргизии, Казахстана...

Можно вообразить, какие горы писем со всех концов бывшего СССР сюда поступают, какой колоссальный труд выполняют редакторы, корреспонденты, работники отдела писем, корректоры... Какими громадным запасом работоспособности, благожелательности и бесконечного терпения нужно для этого обладать!

Пожалуй, это единственное издание на просторах России, где искренно рады авторам без имени, авторам «с улицы».

Обратите внимание, почти все столичные издания в сносках высокомерно, отталкивающе, сухо отсекают малейшие поползновения пишущей братии: «В электронном виде работы не принимаются... Рукописи не рецензируются и не возвращаются... Редакция в переписку не вступает... Редакция работает только с плановыми авторами...»

Они очертили круг, в основном по национальному признаку, куда давно заказан вход чужакам.

Так и тянет провести аналогию со стервозными тётками-кондукторшами:

— Куда?! Автобус (журнал, газета) вам не резиновый. Вход только для своих. Для белых. Проверенных до седьмого колена.

А вот моя газета резиновая! Здесь вход для всех, здесь все свои: и беленькие, и чёрненькие, и малиновые в крапинку, и серые в полосочку... И это здорово!

Сто пять советов, как быть неотразимой

Милые читательницы, не спешите морщить носики и переворачивать страницу. Сейчас вы думаете: только этого не хватало! Мало того, что книжные лотки завалены самоучителями для женщин, желающих покорить мир. Что гляцевые журналы нашпигованы подобной ерундой. Что телевизор талдычит с утра до вечера по всем каналам, как стать прекрасней всех на свете, так ещё «Моя семья» туда же.

Всё перепробовано. Диета? Но в жизни так мало удовольствий, что глупо лишать себя одного из самых доступных и невинных — вкусненько покушать. Разве ходить с несчастной, перекошенной от хронического голода физиономией — лучше?

Кремы, скрабы, лосьоны? Вы вбухивали ползарплаты в баночки и флакончики с

косметическими снадобьями, которые обещали из бабы Яги сотворить мисс Вселенную, а толку-то?

Гимнастика с утра? Это перед спринтерским бегом до остановки и давкой в автобусе, перед восьмичасовым рабочим днём и вечерним тасканием десятикилограммовых сумок, перед упоительным полуторачасовым стоянием у плиты и исполнением супружеского долга без скидок на «голова болит»?! Поищите других сумасшедших.

Самомассаж? См. выше. И так далее.

И вообще, не портите настроение хотя бы перед праздником, а?!!

Хорошо, вычёркиваем сто и оставляем пять советов, которые не потребуют никаких... ну ладно, потребуют у вас самую капельку усилий.

И пяти не надо, говорите вы в сердцах, проживём и так? Тогда вот вам зарисовка с натуры.

Промозглое утро, автовокзал. Пожилая контролёрша инструктирует новенькую работницу. Из часто произносимой фразы: «Это не у вас там на зоне» — напрашивается вывод, что прошлое новенькой далеко не безоблачно.

Она дурнушка из дурнушек: несуразная, сутуленькая, длинноносенькая, с неумело выщипанными в нитку бровями. Клеёнчатая курточка, детская шапочка с помпоном, красные, как у гусёнка, лапки. Но, точно магнит, она притягивает взоры окружающих, особенно мужчин.

Нет, не своей некрасивостью и бедной одеждой — мало ли таких!

Она напоминает ребёнка, впервые вышедшего в большой мир. Она исподтишка озирается с жадным любопытством, чёрные глазёнки сверкают от удовольствия, нос морщится, губы невольно, сами собой расплзаются в улыбке. Свобода! Мужики! Секс!

Она, точно искорка, порхает со своей контролёрской сумкой среди красивых, холёных, наряженных в шубки девушек с кукольными личиками. Девушек, как близнецов, роднит одно: их взгляды пресыщены, брезгливы и высокомерны, глаза мертвы и пусты.

Итак, *СОВЕТ ПЕРВЫЙ* . Улыбайтесь! Улыбайтесь как можно чаще — и вы окажетесь светлячком среди моря потухших глаз и поджатых губ. Порой это нечеловечески трудно. Усталость, как гиря, давит на плечи, и одно к одному: начальница нарычала, лучшая подруга предала, муж пропил деньги, отложенные на морозильник... Ну, тогда хотя бы выработайте привычку держать уголки рта слегка приподнятыми. Всегда.

СОВЕТ ВТОРОЙ . Спите, как сурок. Высыпайтесь, чего бы вам это ни стоило. Мужчина должен много есть, а женщина — много спать. Выспавшаяся женщина — любая! — всегда хорошенькая. Сами собой начинают блеснуть

глазки, наливаются румянцем щёчки, и всё представляется не таким уж плохим.

СОВЕТ ТРЕТИЙ . Не спешите никуда и никогда. Вы — королева. Можете себе представить королеву, несущуюся сломя голову за отходящим автобусом? Да пускай себе уходит, гос-споди. Ну, выиграете пять минут, а потеряете гораздо более важное: свою женскую суть. Тайну, которая блоковской дымкой окружала вас, когда вы среди суесящихся, издёрганных особ среднего пола царственно плыли по улице. Заодно подумайте: а не прогуляться ли вам эти несчастные четыре остановки, оно и цвету лица не повредит?

СОВЕТ ЧЕТВЁРТЫЙ . По мере возможности молчите. И всё? И всё. Молчите глубоко, загадочно, снисходительно. Слово — серебро, молчание — золото. Пусть синие чулки хлопочут и громогласно, с жестикуляцией, доказывают мужчинам, кто из них умнее. Вы-то прекрасно знаете ответ, потому и дистанцируетесь от мужчин. Тайна, и ещё раз тайна.

Есть фильм, на протяжении которого героиня не произносит ни одного (!) слова. Это красавица Дуня из пушкинского «Станционного смотрителя». Более женственно сыгранной женской роли я не знаю.

Или вот ещё кинематографический пример. В малоизвестном фильме «Ольга Сергеевна»

искушённый молодой человек говорит по телефону с незнакомой девушкой, с целью провести вечерок. И, положив трубку, разочарованно сообщает приятелю:

— Она далеко не красавица.

— Почему ты так решил?

— Красавицы знают себе цену и молчаливы, а эта трещит без умолку...

СОВЕТ ПЯТЫЙ. Смотрите мужчинам в глаза (если, конечно, он не японец, тогда упаси бог). Они, мужчины, это любят.

Не верите? Пожалуйста цитату, автор О. Генри:

«Особа эта... была из той породы женщин, для которых заарканить мужчину легче, чем шевельнуть пальчиком. Всё очень просто. Когда она хотела оплести мужчину, устраивала так, что всякий раз, когда он бросал на неё взгляд, он видел, что она смотрела на него. Вот и всё».

Вот и всё. Это не означает, конечно, что следует махнуть рукой на фигуру, волосы, одежду, косметику и прочее. Да всё равно не махнём. Нравиться мужчинам и соблазнять их всеми способами — это безусловный рефлекс женщины. Кажется, пусть всё валится в тартарары, и небо грозит упасть на землю, но, пока мы, выходя на улицу, особым манером перекидываем шарфик

через плечо — мир стоит, мир жив.

Мы, словно лучики света в тёмном царстве, плывём сквозь грязь дворов, и грязь не пристаёт к нашим ногам. Мы движемся сквозь уличные скверные слова, которые бьют по нежным лицам, и слова рассыпаются в пыль.

Простим мужчин, они — слабый пол. Они быстро опускают носы, не выдерживая социальных катаклизмов. Они спиваются, болеют и умирают. Воюют, стреляют друг в друга — и тоже умирают. Идут в бизнес или во власть, зарабатывают инфаркт — и умирают тоже. Несомненно, если произойдёт чудо и Россия выстоит — то только благодаря Женщине.

Ломака ужасная

Как точно подмечено: люди похожи на ёжиков. Им холодно и страшно, они жмутся в кучку, чтобы согреться — и при этом колют друг друга. В хаотичном движении, в ежедневном непрерывном соприкосновении, столкновении, пересечении находятся тысячи характеров, привычек, вкусов, предпочтений, настроений. И неизбежны недоразумения, непонимания, обиды...

На днях мне позвонила знакомая милая девушка. Она почти каждый вечер после работы спешит на репетиции в местный народный театр.

Играет второстепенные роли милых, трогательных, нелепых подруг главных героинь.

И вот любопытно. Блестящей приме после спектакля не всегда дарят цветы, а нашей характерной актрисе поклонники не дают прохода. Мягкие игрушки, букеты, просьбы дать телефончик — дабы завязать серьёзные отношения... Потому что она идеал жены: хорошенькой, уютной, верной, покорной, держащейся на вторых ролях.

Так вот, о звонке. Весь месяц до этого девушка щебетала, с каким успехом идёт их последняя постановка. Полный аншлаг: билеты раскуплены на три месяца вперёд. Приходится расставлять стулья в проходе, чтобы вместить всех желающих. График гастролей расписан на всё лето, прямо на разрыв... Такой успех, такой успех!

И что спектакль победил в какой-то номинации в зональном конкурсе, и занял какое-то место среди провинциальных театров. Я, как водится, её поздравляла, вежливо, но сдержанно выражала восхищение. Подыгрывала: «Какие молодцы!» Ну, а как прикажете: мне кого-то или чего-то расхваливают, а я храню ледяное молчание?

Хотя я не поклонница данного театра. Вот этот провинциальный эпатаж, чрезмерное форсирование голосов. Так взревут — куда тебе Фросе Бурлаковой, на заднем ряду глоснешь. То есть понятно: на сцене актёр не говорит — а

вещает, не ходит — а ступает, не глядит — а лицезрит. Но не так же гротескно!

Потом, эти современные интерпретации. Дона Анна из «Каменного гостя» делает шпагат и стоит на голове, так что всем видны панталоны: по задумке режиссёра, почему-то ветхие и застиранные. У Дона Гуана на голове ржавое ведро, украшенное бусами. Оно то и дело с грохотом скатывается, и все, в том числе командор, бросаются его с визгом ловить.

Ну, не для средних умов: видит режиссёр такими пушкинских героев. А если отсталый туповатый зритель не понимает — его проблемы. Студенткам местного педучилища, например, очень нравится.

И всюду, к месту и не к месту, сверкание голых женских грудей и мужских ягодиц. И из каждой детали прёт школьная художественная самодеятельность.

Но я вежливый, деликатный человек. Воспитанность не позволяет мне высказать свою точку зрения и оскорбить человека, для которого театр — это ВСЁ. Поэтому я мычу, киваю, неопределённо повожу и взмахиваю руками, поддакиваю.

Так вот, значит, эта девушка звонит, заранее радуясь за меня. И, не в силах скрыть восторга, кричит в трубку: «Я знаю, что вам подарить на день

рождения! Поход в наш театр! Вы не представляете, каких трудов мне это стоило... И директор терпеть не может, когда проводят своих по благу».

Я задаю осторожный вопрос, в какой именно день намечается культпоход. С тем, чтобы с облегчением и притворным сожалением воскликнуть: «Ах, какая досада! Именно в этот день я чрезвычайно занята и буду находиться от города за триста (нет, лучше за семьсот) километров...»

— Когда скажете! — кричит милая девушка. — Когда вам удобно, на тот день и достану!

И-да, не отвертись. Я припёрта к стенке. Видит Бог, я пыталась. Памятую: главное: не ЧТО сказать, а КАК сказать. И начинаю вертеться вьюном:

— Простите, Наташенька. Но... как бы это выразиться... Я была на нескольких премьерах... Я не разделяю... И, как бы помягче... Мне не очень... Ради Бога, не обижайтесь... Не принимайте на свой счёт... Я не в том смысле, что... Ни в коем случае не о вашей... Но я даже не досидела первый акт... Не поймите превратно... Я об общем впечатлении... Разница вкусов... Вы играете превосходно...»

Господи, чем я тебя гневлю? Живу тихо, сижу себе в норке, никого не трогаю, никому не мешаю, ни на что не напрашиваюсь. Отчего меня не оставят

в покое, а снова и снова вытаскивают, выдёргивают? Заставляют играть в их игры, оправдываться, бормотать, неуклюже извиняться, елозить? Я собираю себя в горстку.

— Одним словом, — твёрдо говорю я. — Большое спасибо, но я не приду.

И, чувствуя себя последней скотиной, кладу трубку. Но меня, правда, достало. Всю жизнь я плясала под чужую дуду. Занималась нелюбимым делом, брала себя за шкирку, ломала себя через хребёт, переступала через себя. Зажимала рот, когда не надо, и, наоборот, льстила и лгала, когда надо было молчать. Уговаривала себя: это для дела. Увы, это моя работа.

Хватит, встало поперёк горла. Хочу жить в независимости и роскоши. Потому что говорить то, что думаешь, и делать что хочешь — это и есть неслыханная роскошь.

Так нет, оказывается. Обо мне обычно вспоминают накануне разных дат. То о юбиляре просят написать, то о презентанте, то ещё о каком-нибудь виновнике очередного сладкого события. И я снова вынуждена лить приторный елей, набрасывать черновик из велеречивых слов — как можно, иначе смертная обида.

В общем и целом юбилейная речь мучительно напоминает рекламу набора кастрюлей: «В этой двенадцатилитровой кастрюле вы сварите

изумительные, фантастические щи, а в этой восьмилитровой — удивительный, уникальный, непревзойдённый, гениальный компот!». Только вместо кастрюли и компота — виновник торжества.

Чтобы примирить себя с происходящим, мурлычу под нос:

«Давайте восклицать, друг другом восхищаться, высокопарных слов не надо опасаться. Давайте говорить друг другу комплименты, ведь это всё любви счастливые моменты... Давайте жить, во всём друг другу потакая, тем более, что жизнь короткая такая...»

Да, да, да! Пели, знаем. Вот именно, что жизнь короткая, а я должна сидеть и раскрашивать биографию Иван Иваныча в розовые цвета и увешивать её мишурой, шариками и ленточками.

«Небось, самой-то нравится, когда по шёрстке гладят, поют хвалебные оды», — думаете вы. Честно слово, нет. Когда расхваливают (к счастью, нечасто) — меня корёжит, как ужа на сковороде. Мне хочется провалиться сквозь все этажи до крысиного подвала. Я морщусь, гримасничаю, тяжёло вздыхаю и пытаюсь остановить разливающегося соловьём оратора. Мои попытки воспринимаются как манерность, жеманность и

кокетство. Общее мнение за спиной: «Люмака ужасная».

Вздрагиваю от неожиданности: звонок.

— Что вы сказали Наташе? — это строгая мама милой девушки отчитывает меня: — Она так старалась, так радовалась, так мечтала. Она рыдает, с ней истерика. Вы для неё такой авторитет, а вы...

Где, где грань между умением оставаться самой собой — и проявлением откровенного хамства, эгоизма и свинства? Природная доброта — это умение поддакивать, притворяться и искусно лгать? А что, если я... превращаюсь в старую злюку и брюзгу? Бывают такие: всем недовольные, бубнящие под нос, с отвисшей губой, социопатки... В ужасе вскрикиваю: «Не хочу, не хочу быть такой!»

Я чёрствая и толстокожая невежда — или они чрезмерно обидчивые неженки, слабые создания? Как мягко отказать и никого не обидеть? Не может же быть, что я одна такая вся из себя хорошая, а они все такие плохие? Я в отчаянии, я запуталась сама в себе!

Решаю навестить знакомого психолога, договариваюсь о встрече. Поднимаю руку к кнопке звонка — и замираю. А вдруг психолог в это самое время говорит себе: «Господи, как же *они все* достали меня своими проблемами! И никому на

свете нет дела, что у меня сейчас ПМС, что муж у меня козёл и что, блин, мне самой нужен психолог!!!». Затем стягивает с лица кислое выражение, надевает осточертевшую дежурную приветливую улыбку и выходит навстречу, потирая ручки:

— Ну-с, чем вам помочь?

Большая стирка: восемь уровней

Если бы Еленка не работала тем, кем работает, непременно пошла бы в собиратели старины, в экскурсоводы музея бытовых деревянных предметов. Именно деревянных: тёплых, живых. С возрастом они приобретают благородную седину, драгоценный серебряный налёт. Притягивают, впитывают положительную энергетику и отталкивают отрицательную. Помнят добро и отторгают зло. Положите руку на дерево — убедитесь сами.

Что хранилось бы в Еленкином музее? Обязательно на постаменте в центре зала — телега о четырёх деревянных колёсах. Дуга, тёмная от лошадиного пота. Тяжёлые гнутые салазки. Кошёвка — маленькую Еленку из роддома в такой привезли. Оконный наличник, тонко и затейливо вырезанный топором, на зависть вологодским кружевницам.